Дарина ***ГРИГОРОВА,***
доцент Софийского университета имени св. Климента Охридского

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

Имперский либерализм и позднее славянофильство в конце XIX века

Либерализм в России в конце XIX века не подлежит строгому определению — он многослоен. С точки зрения русской истории, он классический, то есть пребывает в сфере идей и далёк от своей организованной партийной формы, развившейся в начале XX столетия. С точки зрения европейской истории, он является неолиберализмом, то есть социальным либерализмом, который отбрасывает принцип «laissez faire, laissez passer»[1]. С точки зрения интересов, которые он защищает (община, крестьянский банк, переселения), либерализм в России — крестьянский, то есть его идеология демократическая (либералы предпочитают называть себя «поборниками народных прав»). Это не означает, что либерализм народнический, каковым его определяют некоторые дореволюционные авторы[2]. С точки зрения своей социальной принадлежности, он буржуазный — либералы в России являются частью образованного слоя буржуазии, от которой, однако, они разграничиваются. С точки зрения патриотизма, российский либерализм чаадаевский: «Любить открытыми глазами». С точки зрения абстрактного представления о либерализме как «образе мышления», он универсальный. Применение идеи, однако, предполагает индивидуальный подход, который может быть или консервативным, проводимым государством, или радикальным, проводимым обществом, как во Франции в 1789 году. В этом смысле либерализм в России консервативен. С точки зрения различных видов либерализма в России, мы разделяем его на правительственный и общественный. У первого два лица: официальное и неофициальное, так называемый «либерализм в тени».

Либерализм конца XIX века является имперским, российским. Он защищает идею имперской нации, но не в этническом смысле (в смысле русской имперской нации), а в смысле гражданском и политическом. В понятие «русско-подданный» либералы вкладывают смысл, наполняющий сегодня понятие «россиянин».

Позднее славянофильство в конце XIX века является разновидностью российской либеральной мысли, с одной стороны, и частью русской консервативной мысли — с другой. В этом плане особо примечателен Иван Сергеевич Аксаков, который совмещает вроде бы несовместимые одно с другим «старое» славянофильство 1840–1850-х годов с пропагандой славянофильства «нового» — славянолюбия начала 1880-х.

Либеральный «Вестник Европы» и славянофильская «Русь» находятся в постоянном конфликте, подпитываемом не только принципиальными различиями, но и недоразумениями. Жизнь этой полемики продолжается на страницах «Вестника Европы» ещё долгое время после прекращения существования газеты «Русь».

Иван Аксаков не одобряет термин «славянофильство» и предпочитает определять своё направление как «русское, национальное или народное», что, по его представлениям, есть настоящий, неподдельный либерализм. О русских либералах Иван Сергеевич говорит как о самозванцах: «именующие себя либералами», «украшающиеся» названием «партии либеральной»[3]. Аксаков всегда ставил в кавычки термин «либерализм», если не писал о самом себе. Либерал Константин Арсеньев тоже ставил в кавычки это понятие, но лишь потому, что он осознавал отдалённость его русского варианта от западноевропейского.

Либеральные авторы «Вестника Европы» делают разницу между «старым» и «новым» славянофильством: эти термины вводит Александр Пыпин. Владимир Соловьёв разграничивал «старое» славянофильство от «нового», причём настоящие славянофилы «действуют, а не мечтают» и являются патриотами, а «новое — это «псевдопатриотический обскурантизм», между которыми он ставит как «промежуточное звено» Михаила Каткова. Для Владимира Соловьёва оба течения являются «двумя крайними терминами нашего национального самоутверждения»: «новые обскуранты» кланяются «народной дикости», а настоящие славянофилы — «народной добродетели». В своей оценке Ивана Аксакова Владимир Сергеевич называет его «корифеем нашего национализма»[4].

Либералы обвиняли славянофилов в национализме, славянофилы же обвиняли либералов в бюрократизме и буржуазности: это непонимание возникло ещё с 1840-х годов. Пыпин видит в либерализме конца XIX века наследника западничества 1840-х, в то время как преемником «старого» славянофильства, по его мнению, стало народничество. Он определял конец «старого» славянофильства смертью Ивана Аксакова, с которой «кончилась старая школа в её непосредственном выражении, с её цельной теорией и нередко смелым языком»[5].

Жарко спорили между собой оппоненты и по историческим вопросам. Пыпин согласен с определением Сергея Михайловича Соловьёва «старого» славянофильства как «антиисторической школы». Соловьёв-старший рассматривал славянофильство как «политический буддизм», но признавал, что в свои студенческие годы был «жарким славянофилом», пока не окунулся серьёзно в историческую науку. Для Сергея Михайловича «история — политическая наука»[6], в то время как славянофильский «политический буддизм» аполитичен, следовательно, и антисторичен.

Если для славянофилов общественная деятельность прервана Петром Первым, для либералов она именно тогда начинает создаваться. И славянофилы, и либералы, однако, единодушны по вопросу о необходимости самоуправления, которое преодолеет отсутствие активности в обществе.

Недостатки русского общества являются и следствием политики государства, которое сохраняет для себя право воспитывать или, как более точно выразился Константин Кавелин, «дрессировать». Соловьёв-отец ввёл понятия

«история-мачеха» и «природа-мачеха», чем объяснял и особенности русского характера. И либералы, и поздние славянофилы признавали наличие насилия государства над человеком: русский человек, по словам Ивана Аксакова, «не стал волен ни в своей одежде, ни в своей бороде». Освобождение, по его мнению, начинается с Александра II. Соловьёв-старший в своих «Записках» отмечал несправедливое положение русского (имперского!) народа по отношению к остальным этносам в империи: «...крестьяне — славянского происхождения, а господа — татарского, черемисского, мордовского, не говоря уже о немцах»[7].

Существенное расхождение между либералами конца XIX века и поздним славянофильством Ивана Аксакова — это их взгляд на политический идеал России. Во времена Александра III либералы вынуждены защищать конституционную идею завуалированным путём. Русское общество по традиции (или поневоле) воспитало в себе умение читать между строк. При этом либералы не идеализировали парламентскую систему, в чём их обвиняла «Русь», не ставили себе целью копировать какую-либо из западноевропейских моделей[8].

Вопрос о том, что важнее — нравственное или политическое начало, вечно поднимался русской интеллигенцией. Это и есть, на наш взгляд, русский гамлетовский вопрос. Славянофилы выбирают первое решение. Для Ивана Аксакова нравственное начало стоит выше политических убеждений[9]. Либералы останавливаются на втором. Из-за вынужденной иносказательности споры «отравлены», как замечал Кавелин: «...мы редко спорим против того, что человек говорит, а почти всегда против того, что он при этом думает, против его предполагаемых намерений и задних мыслей»[10].

Точка соприкосновения между «Русью» и «Вестником Европы» — это отношение к свободе слова, с одной стороны, а с другой — крестьянский либерализм, чьим первым идеологом был Кавелин. Для Кавелина крестьяне — то же самое, что и третье сословие во Франции. Он применял вопрос французского аббата Сиейеса «Что есть среднее сословие?» к крестьянам, идеализируя их будущее подобно славянофилам и народникам. Крестьянство для Кавелина представляет собой «новый двигатель истории», «носитель новой гражданственности»[11]. Сходство заканчивается преклонением перед общиной у славянофилов и примирением с общиной у либералов. Для Кавелина, Арсеньева, Михаила Стасюлевича антиисторичность общины (как определяют её Сергей Соловьёв, Борис Чичерин и другие) нужно преодолевать постепенно.

Важнейший вопрос, отличающий российский либерализм конца XIX века от нового-старого славянофильства Ивана Аксакова, — это вопрос национальный. Но при этом многие российские либералы конца XIX века думают национально, а не социально. Леонид Слонимский отмечает бесправное положение русской народности[12]. Он заблуждается, что «инородцы» и «иноверцы» в империи имеют меньше прав, чем русские, однако, он верно подметил, что в России нет «настоящей национальной политики», а есть «антинациональная политика, чья цель только выгода государства и отдельных классов, а не всего народа». Эта политика была естественной для имперской идеологии, в чьей основе государственный патриотизм — «преданность верховной власти (московскому государю — царю — российскому императору)»[13].

При этом для «Вестника Европы» понятие «русско-подданный» отвечает современному пониманию термина «россиянин»[14]. Российский либерализм имперский, защищающий классическую либеральную идею гражданского (бессословного) общества. Для либералов нет «инородцев», есть граждане. Либералы не сливают религиозное с национальным, как делают это славянофилы всех мастей, следуя самодержавной идеологии, согласно которой православный равен русскому и наоборот. Либералы осознают, что нужно провести разницу между русским и российским, но даже после, в 1912 году, В. Медем констатирует, что оба термина ещё смешиваются: «У нас слово «русский» употребляется сплошь и рядом в смысле «российский»[15]. Согласно программе кадетов, российским гражданином может быть каждый, без национальной разницы, пола и вероисповедания, и он равен перед законом. Павел Милюков различает русского от россиянина: «Идее национального русского государства мы противопоставляем идею российской государственности». В его программе нет места для великорусского национализма, в отличие от многих правых либералов. Для октябристов русские люди — это все, без различий в сословии, национальности и вероисповедании[16]. Примечательно, что кадетский «российский гражданин» и октябристские «русские люди» отвечают смыслу понятия «русско-подданный» «Вестника Европы» в конце XIX века.

В то время либерализм «Вестника Европы» и новое-старое славянофильство «Руси» объединяло желание представителей обоих направлений быть, как выражался Кавелин, «в самом деле тем, какими мы есть по природе — русскими». Для этого нужно не становиться европейцами, а перестать быть «восточными людьми». Русский «восточный человек», продолжал Константин Дмитриевич, «по-восточному» избегает общественных дел и «в общественную должность никуда не годится, потому что всегда молчит и всем во всём уступает... Из «великой печали сердца» от непорядков в общественной и частной жизни, или из любви к европейскому... удалялись, кто за границу, кто на житьё в деревню»[17].

По своей природе российский либерал — независимо от направлений и от времени — остаётся наполовину славянофилом, наполовину западником; лучший образ этого состояния сознания и души даёт метафора Александра Герцена о «двуликом Янусе», который и в конце XIX века смотрит в разные стороны, но любит Россию одним сердцем...

Примечания

1. Некоторые исследователи либерализма в России определяют появление неолиберализма лишь с начала 1890-х гг., с земскими съездами («новый либерализм»), или с начала XX века (Сиземская И., Новикова Л. Новый либерализм в России// Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 132). По нашему мнению, в теоретическом отношении идеи «российского» неолиберализма оформлены ещё с начала 1880-х гг., что заметно в экономической программе «Вестника Европы» с 1882 г.
2. Потресов А. Н. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху. Период безнародности//Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. 1. СПб. 1909. С. 541, 649.
3. Аксаков И. С. Соч. Т. 2. М. 1886. С. 549–550.
4. Соловьёв В. С. Очерки из истории русского сознания//Вестник Европы. 1889. № 1. С. 363–364; № 12. С. 776, 779, 784.
5. Пыпин А. Н. Из истории панславизма// Вестник Европы. 1893. № 9. С. 309–310; Он же. Славянский вопрос по взглядам Ив. Аксакова//Вестник Европы. 1886. № 8. С. 763–764.
6. Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. М. 1983. С. 189, 299, 302, 347.
7. Там же. С. 339.
8. Арсеньев К. К. Общественная хроника//Вестник Европы. 1883. № 9. С. 427.
9. Аксаков И. С. Соч. Т. 2. С. 559, 563–570, 771.
10. Кавелин К. Д. Письмо Ф. М. Достоевскому//Вестник Европы. 1880. № 11. С. 438–439.
11. Из писем К. Д. Кавелина к графу Д. А. Милютину, 1882–1884 гг.//Вестник Европы. 1909. № 1. С. 8, 24.
12. Слонимский Л. З. Книга о национальном вопросе//Вестник Европы. 1910. № 9. С. 322.
13. Он же. Национальная идея и её новейшие извращения//Вестник Европы. 1909. № 1. С. 307; Он же. Основные вопросы политики. СПб. 1889. С. 264.
14. Арсеньев К. К. Общественная хроника//Вестник Европы, 1893. № 7. С. 436.
15. Медем В. К постановке национального вопроса//Вестник Европы. 1912. № 8. С. 153.
16. Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). М. 1996. С. 51–59.
17. Кавелин К. Д. Письмо Ф. М. Достоевскому... С. 455–456.